

ВЗГЛЯД ХУДОЖНИКА

ЕСТЬ ЛИЦА, которые, однажды увидев, помнишь всю жизнь. Не потому, что они воплощенный идеал красоты или содержат некую тайну, привлекающую внимание, нет... Просто лицо, неподдельно выражающее суть человека, воспринимаешь как высокое открытие.

На Всесоюзной фотовыставке в Москве я увидела Лицо, которое никогда не забуду.

«Ветеран» — работа смоленского фотокорреспондента Владимира Исачкина. Это все, что сообщалось. А увидела я человека, прошедшего испытание души, испытание войной и голодом, несправедливостью, может быть. В нем ощущалась такая сила противостояния, что иначе не скажешь — негиблемость духа. Ничего богатырского, на первый взгляд даже старый человек, только ясно, что он не отдыхает, он в строю. Глаза его смотрели прямо перед собой, но как бы через фотокамеру, дальше. Взгляд твердый, не ищущий и не испытующий, все принимающий, позиция: с жизнью — глаза в глаза. Он, может быть, устал, много работал, но не устал от жизни. Черты лица правильные, ни грубости, ни округлости, графическая четкость. Лицо открытое. И чувствуется напряжение, но не нервности, а именно жизненное напряжение, которое идет от скромного представления о своих возможностях и глобального представления о своих

обязанностях. Нравственная личность.

Невольно начинаешь думать, а не упрощаем ли мы подчас свои задачи, не облегчаем ли груз ответственности, возложенной на наши плечи. Встают перед глазами герои фильмов, спектаклей последних лет, прозвучавшие как своего рода будка гражданского сознания. Что же такое человечность, и что такое ответственность, и какова связь между ними в масштабах одной личности?

ОСТАНОВИЛСЯ поезд. Остановился внезапно, в поле, и недоумевающие пассажиры не сразу поняли, что произошло. Навстречу мчались шесть платформ, столкновения избежать невозможно. Машинист приказал помощнику прыгать, а сам, спасая пассажиров, погиб.

Так начинался фильм «Остановился поезд», в котором было рассказано, как сражался за жизнь следователь Ермаков, и как люди, многие, разные, причастные к этой истории и сторонние, не понимали его.

Следователя Ермакова играет народный артист СССР Олег Борисов. Нельзя судить об объеме художественной идеи фильма вне его исполнения. Артист ведет нас за пределы сюжета, его глаза красноречивее всех слов, страдающая душа героя, которую он так тактично открывает, приближает нас к истине. Ермаков — Борисов из той породы

гвардии рядовых, которые способны в одиночку рубить лес, чтобы паровоз не застрял в пути.

Нелегко дается расследование, шаг за шагом открывает Ермаков целую цепь нарушений. Неприязнь к нему достигает высшего накала. И вот уже Ермакову вежливо объясняют, что его деятельность идет вразрез с общим настроением. Спасенные пассажиры собирают деньги на памятник. И только Ермаков, один он хочет испортить легенду о подвиге уголовного делом.

Ему говорят: не будь критических ситуаций, не было бы и подвигов в мирное время, не так ли? Но Ермаков стоит на своем: «А, может быть, силы общества должны быть направлены на устранение таких ситуаций?..» Даже журналист Малинин, который ехал в том самом поезде, отказывается понимать упорство следователя. Как красиво звучит: «Нельзя же буквой закона давить человеческие жизни!» Если согласится с Малининым и принять его понимание человечности, очень просто быть человеком: внес деньги на памятник — человеческий, погрустил вдовой — человеческий, статейку в газету написал — человеческий. Но по-настоящему страдает именно Ермаков — Борисов, он подлинно любит человека, потому что знает цену человеческой жизни. Когда не было выхода перед лицом белогвардейцев и интервентов, когда не

было выхода перед лицом разъяренного фашизма, люди шли на смерть, как в завтрашний день, достойно, без сомнений. Но почему сегодня кто-то должен «закрывать своим телом дыры от разгильдяйства?»

Наверное, многие вспомнили нечто похожее, свое: начальник, который, зная, что приборы не проверены, выпускает машину в рейс; мастер, который не замечает прогульщика; профессор, который, отворачиваясь от студента, расписывается в зачетке... Все такие милые и услужливые, и добрые. Но добрый только тот, кто может отдать свое, но не чужое, не общее, не государственное. А это ленивая доброта, не деятельная, она удел равнодушных, бесстрастных. Это видимость, желание казаться добрым, чтобы все шло тихо и гладко. Но ведь гладко не значит хорошо. Чтобы было хорошо, надо, чтобы было по правде.

Как же это случилось, что про человека, снисходительного ко всякого рода нарушениям, могут сказать «добрый», а от этих правдолюбцев вроде Ермакова, которым подавай высшую справедливость каждый день и каждый час, прямо-таки голова болит? Ну соврал, ну украл, ну прогулял. Ну и что теперь — казнить его? «Давить его буквой закона?» Но закон для того и закон, чтобы в жизни побеждал правый, чтобы тор-

жествовала справедливость. А сколько случаев на наших глазах, когда этого не произошло? Отчего же? Советский закон охраняет справедливость. Но, оказывается, это значит, что ее должны охранять, защищать мы сами.

Фильм Александра Миндадзе и Вадима Абдрашитова «Остановился поезд» стал предметом исследования на психологическом семинаре в Московском государственном университете. Факт примечательный. Действительно, произведение искусства, обращенное в сегодняшнюю жизнь, способно открыть такие глубины социальной психологии, что рассматривается нами как явление жизни. А для искусства распознать зло, увидеть, понять, объяснить, провести через сознание современников — значит победить его. Тут нужен художник большого мужества. Когда имеешь дело с сырым материалом жизни, когда идет его первичная обработка, есть опасность пораниться. Но того, кто ищет реальности дела, нужного людям, это не остановит.

РУКОВОДИТЕЛЬ Московского Художественного театра Олег Николаевич Ефремов в премьерный вечер сказал: «У Горького есть такое понятие «социальная педагогика». Это первая функция искусства, самая основная и главная». И слова эти прозвучали так убедительно, потому что были прямым итогом сценического действия. Ефремов не только поставил пьесу Александра Гельмана «Наедине со всеми», но и сыграл в спектакле главную роль. Невозможно сказать, как он играл, игры не бы-

ло. На сцене мы видели человека, решившего показать себя, каков он есть, со всеми достоинствами своими и пороками: артист живет жизнью своего героя, не защищая его и не акрикутуривая. Важнее всего, чтобы зритель прошел испытание узнаванием жизни.

На сцене только двое: он, Голубев, строитель, руководитель среднего звена, и она, жена Голубева, Наташа, библиотекарь (ее играла Татьяна Лаврова). И еще третий, незримо присутствующий, — сын их Алеша, студент, который, будучи на стройке отца практикантом, потерял обе руки.

Выясняется: Голубев знал, что послал людей работать на участок, опасный для жизни. Того, мол, требовали интересы дела, производства, квартального плана. И дальше эта линия снижения всегда ведет к интересам мелкой личности, его собственным карьеристским задачам. Потому что не существует интересов общего дела вне интересов людей. Разорванную нравственную нить не связать, не склеить. Страшная беда — размывание нравственного критерия. Сознывая это, человек начинает сам себе многое прощать: сначала промолчал, когда хотелось крикнуть, потом отвернулся, когда звали на помощь, а потом, глядя, а человека-то и вовсе нет. И вот раздается звонок, страшный, беспощадный звонок — это жизненная беда, разрушившая такую бесхитростную благополучную жизнь. Больше не спрятаться от жизни, не уйти от ответственности личной, за себя, за дитя, за общее дело.

Только подлинный мастер мог провести такой разговор без всяких ухищрений и дополнительных эффектов: просто окно, окно в жизнь, оно распахнуто, чтобы мы могли видеть все, все узнать.

Зрители расходятся молча, лица сосредоточенные, а потом начинаются обсуждения — дома, на службе, на собраниях и семинарах, в поезде, с друзьями и незнакомыми. Пьеса соединяет людей общей заботой, чувством ответственности, ведь нельзя же на самом деле не видеть то, что открыто, выставлено на всеобщее обозрение.

Жизнь спектаклей по пьесам Гельмана, как явило, долгая. Только в репертуаре Московского Художественного театра — и «Протокол одного заседания», и «Обратная связь», и «Мы, нижеподписавшиеся», и «Наедине со всеми», а в начале будущего сезона предстоит премьера «Скамейки» и репетиции «Зинули». Пристрастие театра к творчеству драматурга не случайно. Автор ведет со зрителем разговор начистоту — о равнодушии и чувстве хозяина жизни, об ответственности за то, что вокруг. И вот что еще обнаруживается — об ответственности перед собой, за себя.

ХУДОЖНИК создает свое произведение для народа, потому что он сам часть этого народа (как Маяковский говорил о земле, с которой мерз). Народ — не заказчик, а художник — не исполнитель. Это все куда сложнее. И произведение получается тогда, когда чувствуешь то же, что чувству-

ет зритель, а не тогда, когда думаешь, какими же приемами вызвать эти чувства». Это записи из рабочих тетрадей Григория Михайловича Козинцева, известного советского кинорежиссера.

Глубоко и остро понимал проблемы современного искусства этот человек, большой эрудит, создавший в двадцатые годы вместе с Леонидом Траубергом фабрику эксцентрического актера, вызывающую и сегодня интерес в кинематографическом мире, один из авторов знаменитой трилогии о Максиме, постановщик «Дон Кихота», «Гамлета», «Короля Лира», человек беспокойной совести, искренний человек.

Читатели, очевидно, знают книги, изданные им еще при жизни, — «Наш современник Вильям Шекспир», «Глубокий экран», «Пространство трагедии». Все они писались параллельно с работой над фильмами и спектаклями. Часть таких записей о себе, о профессии, об искусстве вошла и в четвертую книгу, составленную Валентиной Козинцевой, — «Время и совесть. Из рабочих тетрадей».

Откроем книгу: «О моих поисках пути в режиссуре. 18 лет — аппарат на веселом колесе. 22 года — специфика кино. Стиль и жанр. Актер. 30 лет — смысл. 50 лет — правда». Так в зрелые годы становится важным «сравнение не искусства с искусством, а искусства и реальности — правды, полноты связей, проникновения в глубины».

Н. ИСМАИЛОВА.